

15 февраля 2011 г., г. Иваново

Уважаемые коллеги!

Я искренне удивлен неадекватностью вашей реакции моим замечаниям. Речь в моем отклике шла не о «*подлинной жизни научных идей, измеряемой не годами, а десятилетиями и столетиями*» (курсив здесь и далее ваш – Д. П.), а о том, каким образом вы ответили на приглашение издаваемого ИВГУ уважаемого научного журнала «*поделиться многолетними концептуально-теоретическими разработками*». В журнал был представлен материал, смонтированный из отрывков двух статей трехлетней давности (*Океанская, Ж. Л. Имя «всей этой швали»: ленинский образ С. Н. Булгакова, или О культурологических причинах редукции Кирилло-Мефодиевской традиции в России // Мир и язык в наследии отца Сергея Булгакова: Сборник научных работ, подготовленный по материалам одноименной конференции 6 – 7 октября 2007 г. Шуя, Шуйский гос. пед. ун-т, 2008. С. 196–218; Океанская Ж. Л., В. П. Океанский. Пресвятая Троица и софийность времени. Антикризисный потенциал православной традиции // От Хомякова - до Булгакова. (Книга очерков кризисологической метафизики).— Шуя : Шуйский гос. пед. ун-т, 2007 . С. 216-222*). В примечании материал был обозначен вами как результат исследования, начатого в 2009 г. Ссылки на использованные при монтаже статьи в опубликованном материале отсутствовали.

Я счел и продолжаю считать этот поступок грубым нарушением научной этики и незаслуженной обидой, нанесенной Ивановскому государственному университету, которому вы обязаны своим образованием и имеющимися на сегодняшний день учеными степенями. Направление статьи в академическое издание ИВГУ с точки зрения моих «*школярских представлений о науке*», разделяемых большинством редакционных коллегий рецензируемых научных журналов, предполагает, что материал содержит результаты новейших исследований и публикуется впервые. Поскольку ваш материал попался мне на глаза уже опубликованным, я был вынужден указать редколлегии «Интеллектуальной и мира» на низкое качество рецензирования и принести извинения читателям журнала. Никаких иных целей, приписываемых мне в вашем ответе, у меня не было и нет. Поэтому мне безразличны и выпады в мой адрес, которыми изобилует ваша «*Авторская позиция*».

Приведенные в ней ответы на мои замечания, увы, лишь подтверждают мои слова о вашем крайне небрежном отношении к Кирилло-Мефодиевской традиции и к ее святым основателям. Культуролог, вступая в поле истории, особенно средневековой, обязан знать и корректно использовать сведения первоисточников, т. е. памятников той эпохи, о которой он пишет. Приписывание Средневековью плодов своей рефлексии по поводу собственных представлений о прошлом, почерпнутых из случайных текстов, не имеет с наукой ничего общего.

Тон моего отклика, показавшийся вам оскорбительным, всецело задан вашим экскурсом о «македонце Кирилле», который напомнил мне предисловие к «Запискам моего деда» Козьмы Пруткова (отсюда «d'inacheve») и декларируемый там принцип: «Факты являются из сближений. Сближения обуславливают выводы». Он весьма схож с вашим подходом к кирилло-мефодиевской традиции. Увы, ваши ответы на мои конкретные замечания относительно этого сюжета не снимают с меня и части вины за появление в рецензируемом журнале ИВГУ научно несостоятельного текста. Они опираются на поздние пересказы житий XIX-XX вв. Все тексты помещены на сайте «Православие.RU». Один упомянут в ссылке 13 «Авторской позиции», остальные цитируются по другим изданиям, хотя доступны на том же сайте.

(<http://days.pravoslavie.ru/Life/life445.htm>; http://days.pravoslavie.ru/Life/life_1038.htm, последнее посещение 15.02.2011). Там же имеются и отсылки к иконописному подлиннику, знание вами которого меня первоначально приятно удивило. Кстати, Хомяков мог представить Кирилла в епископском облачении не потому, что его иногда так изображали на русских иконах, следуя образу св. Кирилла Иерусалимского. Братья представлены в святительском сане на поздних западных иконах, которые он мог видеть в Праге.

Я искренне не понимаю, почему вы предпочли заполнить десяток страниц филиппиками в мой адрес, нежели прочесть несколько компетентных и доступных, в том числе, по-русски, профессиональных работ о св. Кирилле и Мефодии. Ведь фактические ошибки перейдут и в другие тексты, отражающие ваш *«существенный научный результат»*. Разъясню их еще один раз специально для вас.

Солунь, родина братьев, в то время являлась одним из культурных центров Македонии.

«В то время» (т. е. в IX в.) византийцы называли «македонянами» не тех, кто жил на территории древнего царства Филиппа II и Александра, но жителей фемы (административной области) Македония, в которую родной город Константина Философа и Мефодия не входил. Так, современник св. Кирилла и Мефодия император Василий I (867-886), прозванный «Македонянином», был уроженцем центра Македонии г. Адрианополя (совр. г. Эдирне в Турции). См.: *Коледаров П.* Македония // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 2. И-О. С. 589-594.

«Святой Кирилл получил блестящее образование, с 14-летнего возраста воспитываясь с сыном императора»...

В «Житии Константина Философа» (древнейший список XV в.), нет сведений, что он учился вместе с императором Михаилом (или с его неведомым истории сыном). Житие действительно сообщает, что Константин был приглашен в Царьград учиться «с царем», что историки объясняют по-разному, но никто не утверждал, что Философ «сидел за одной партией с императором». Житие сообщает, что, лишь окончив обучение у Фотия, юный Константин получил право «в царёву палату с дерзновением входить». См.: *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Т. 3. София, 1973. С. 63, 91.

«По окончании учения святой Константин принял сан иерея и был назначен хранителем патриаршей библиотеки при храме святой Софии».

«Житие» говорит о предложении «отдать Философа в поповство», т. е. в священство, которое было им принято. Какую степень священства (их три) принял Константин, источник не указывает и в дальнейшем нигде не упоминает, что он был священником. По каноническому праву во иереи мог быть поставлен человек, достигший тридцати лет. Историки полагают, что Константин мог быть возведен во чтеца или во диакона. См. *Тахиаос А.-Э. Н.* Святые братья Кирилл и Мефодий. Просветители славян. Сергиев Посад, 2005. С. 45.

Называя авторов статьи «православными культурологами», профессор Польшванский указывает ... гора Олимп в Малой Азии, куда удалился Константин в монастырь к старшему брату, не является местом обитания прежних языческих богов.

Православные культурологи обязаны знать, что Олимп Вифинский был одной из первых святых гор восточного христианства, средоточием обителей и предшествен-

ником Афона. Именно это влекло туда братьев. Одного из тамошних подвижников, св. Мефодия Олимпского, избрал своим небесным покровителем старший брат Константина. В «Житии св. Мефодия» (список XII в.) читаем: «И шед в Алимб, идеже живут святые отци» (См.: Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3. София, 1973. С. 104б, 187). Так что *культурологически ориентированный герменевтический поворот в осмыслении... появления Олимпа в судьбе Первоучителей славян*, как и все дальнейшие рассуждения об «олимпийстве» и в статье, и в «Авторской позиции» не подтверждается житийными источниками.

Мы представили одну из версий, согласно которой «Кирилл удалился к брату Мефодию и несколько лет разделял с ним иноческие подвиги в монастыре на Олимпе, где впервые стал заниматься изучением славянского языка», о чём также повествует житие.

Вы опять ссылаетесь на поздний пересказ «Жития». Первичный текст ничего не сообщает об изучении Константином на Олимпе славянского языка. Там сказано, что Философ «в Олимб же шед к Мефодию брату своему и там жил, молитву творя беспрестанно Богу и только с книгами беседа». См. *Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3. София, 1973. С. 69, 95.* Некоторые ученые полагали, что на Олимпе Константином могла быть создана славянская письменность. Я уже приводил свидетельство «Жития Мефодия», что братья как уроженцы окруженного славянскими поселениями с VI-VII вв. города Фессалоники знали славянский язык с детства.

Естественно, у меня нет и не было намерений оспаривать компетентность Вячеслава Петровича в наследии А. С. Хомякова. Я действительно не читал ранее письмо к И. С. Гагарину, анонимно опубликованное Хомяковым по-французски, и благодарен за указание еще одного упоминания солунских братьев в трудах Алексея Степановича. Буду рад узнать и об иных неизвестных мне свидетельствах его интереса к учителям славянства. Но Хомяков ошибался, приписывая святым братьям перевод греческого слова *katholikia* как «соборность». В языке древнейших славянских рукописей это слово не переводится, а транскрибируется. Слова же «соборная церковь» означают главный храм города. Составленный св. Мефодием Номоканон содержал текст Символа веры, девятый член которого гласил: «Верую... в едину святую кафоликию и апостольскую Церковь» (См. *Верещагин Е. М. Христианская книжность Древней Руси. М., 1996. С. 60*). Так что Хомяков, к сожалению, споткнулся на незнании ранних переводов литургических текстов в попытке приписать свое понимание «соборности» кирилло-мефодиевской традиции, что несколько обесценивает его пафосные призывы к покаянию в адрес Гагарина, обращенные вами в мой адрес.

Мы приглашаем Д. И. Польшанного впредь участвовать в дискуссиях на близкие нам темы...

Я охотно соглашусь с вами в том, что *«аналитическая методология профессора-историка не позволяет адекватно коммуницировать в интегралистском пространстве культурологии»* в вашем ее понимании, и поэтому позволю себе отказаться от приглашения. Я смогу всерьез рассматривать его только тогда, когда выводы ваших *герменевтических исследований макрокультурного кризиса*, затрагивающие православное средневековье, будут обоснованы добротным материалом первоисточников, учтут классические и современные исследования в этой области, и, наконец, будут корректно опубликованы.

Искренне ваш,

Д. Польшанный